

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Пендельская Е.А. Поэтика невысказанного: художественный мир повести Зинаиды Катковой «Адресат выбыл»

// Филология: научные исследования. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.76229 EDN: DFWFLZ URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76229

Поэтика невысказанного: художественный мир повести Зинаиды Катковой «Адресат выбыл»

Пендельская Елена Александровна

аспирант, институт национальной культуры и межкультурной коммуникации; Марийский
государственный университет

Россия, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, ул. Кремлевская, 44

✉ elen8080@list.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.10.76229

EDN:

DFW FLZ

Дата направления статьи в редакцию:

12-10-2025

Аннотация: Данная статья посвящена комплексному литературоведческому анализу русскоязычной повести марийского писателя-билингва второй половины XX века Зинаиды Федоровны Катковой «Адресат выбыл» (1976), которая рассматривается в ней в контексте феномена «тихой прозы» в отечественной литературе 1970-х годов. Научная новизна исследования заключается в первом опыте аналитического прочтения вышеуказанной повести, которая, как, собственно, и всё русскоязычное наследие этого автора, остаётся пока на периферии академического дискурса. Цель работы – выявить и описать целостную художественную систему повести, складывающуюся на пересечении классических традиций русской литературы (И.С. Тургенев, А.П. Чехов и др.) и поэтики советской «камерной» прозы. Конкретным предметом исследования в данной статье является поэтика невысказанного в художественной системе повести «Адресат выбыл». Методологическую основу данного исследования составляет соответствующий цели работы синтез структурно-семантического, историко-генетического и сравнительно-типологического анализа литературного текста. В исследовательской работе доказывается, что доминантными принципами поэтики невысказанного в повести

Зинаиды Катковой «Адресат выбыл» являются ретроспективная композиция, моделирующая работу травмированного сознания; насыщенная символизмом система художественных образов и деталей; а также сюжетобразующая роль подтекста, превращающего умолчание в главный двигатель конфликта (конфликт разворачивается не в плоскости событийных столкновений, а в сфере недосказанности). Отмечается, что художественный мир Зинаиды Катковой существует в интенсивном, сознательно выстраиваемом диалоге с русской классической традицией, что позволяет говорить о глубинной интертекстуальности как важнейшем элементе ее поэтики (о тургеневской парадигме, чеховской поэтике, о явных архетипических элементах, идущих из русской литературы). Определяется место творчества Зинаиды Катковой в литературном процессе эпохи и намечаются некоторые перспективы его дальнейшего изучения. Сделан вывод о том, что повесть «Адреса выбыл» – это глубокое художественное исследование о природе человеческих отношений, о хрупкости взаимопонимания и, в конечном итоге, о возможности искупления и прощения через восстановление разорванной связи, символом которого становится письмо, нашедшее, наконец, своего адресата.

Ключевые слова:

марийская русскоязычная литература, Зинаида Каткова, тихая проза, художественный мир, поэтика невыразимого, художественная деталь, подтекст, ретроспективная композиция, литературная традиция, психологизм

ВВЕДЕНИЕ

Феномен отечественной «тихой прозы» 1970-х годов, при всей его признанной значимости, до сих пор остается областью, где канонизированные имена заслоняют собой богатство и разнообразие литературного ландшафта [см.: 1; 2]. Повесть марийского писателя-билингва Зинаиды Федоровны Катковой «Адресат выбыл», написанная на русском языке и опубликованная в 1976 году в сборнике «Если бы не война», — яркий пример такого «негромкого», но художественно состоятельного высказывания, требующего серьезного филологического осмысления.

Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью более полной и детализированной реконструкции истории национальных литератур через призму творчества писателей «второго ряда», чья поэтика часто оказывается не менее, а подчас и более репрезентативной для умонастроений эпохи, чем произведения «главных» авторов. В этом смысле требует внимания и творчество транскультурных авторов, являющихся неотъемлемым элементом отечественной литературы второй половины XX века.

Цель статьи — путем детального текстуального анализа выявить законы, по которым строится в повести «Адресат выбыл» художественный мир Зинаиды Катковой, основанный на поэтике невысказанного, и определить его генеалогические связи с магистральными традициями русской классики. Повесть еще ни разу не становилась предметом научного исследования.

Методологическая рамка исследования образуется на стыке нескольких подходов. Структурно-семантический анализ (Ю.М. Лотман [\[3\]](#), В.Н. Топоров [\[4\]](#)) позволяет

рассмотреть повесть как целостную, иерархически организованную систему смыслов. Историко-генетический и сравнительно-типологический методы (А.Н. Веселовский [\[5\]](#)) дают возможность выявить диалог Зинаиды Катковой с предшествующей литературной традицией. Теории символа А.Ф. Лосева [\[6\]](#) и художественной детали Л.Я. Гинзбург [\[7\]](#) и концепция «подтекста» А.П. Чудакова [\[8\]](#) служат инструментами для проникновения в глубинные слои психологизма марийского русскоязычного прозаика.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ОБСУЖДЕНИЯ

Поэтика невысказанного – это своеобразная форма представления «психологии героя» (его внутреннего мира, внутренней жизни, внутреннего состояния). Принято считать, что приёмами, используемыми для раскрытия невысказанного, являются подтекст, невербальные сигналы (мимика, жесты, внешние движения – «внутренние жесты»), «поток сознания», передающий мысли и переживания персонажа в их ассоциативной связи, особенности речи и манеры общения с окружающими людьми, конкретные поступки героя, приметы вещного и природного мира, сообщающие о настроении персонажа и т.д. В.Р. Аминева, анализируя повесть А. Еники «Невысказанное завещание», акцентирует внимание на таких средствах «замещенной речи», как внутренний монолог персонажа, а также завещание, написанное матерью и обращенное к детям («В этом взволнованном обращении к детям с наибольшей силой выразилась активность душевного строя героини» [\[9, с. 14\]](#)). Е.Ф. Гладкая подробно описывает языковые маркеры невербализированных смыслов в литературных текстах [\[10\]](#). Несмотря на актуальность поэтики невысказанного (постоянное акцентирование внимания при аналитическом рассмотрении литературных текстов на поэтике психологизма, подтекста [\[11; 12; 13 и др.\]](#)), специальных исследований по данной теме в последние годы почти нет.

В повести Зинаиды Катковой «Адресат выбыл» мы выделим в качестве ключевых и проанализируем следующие составляющие её поэтики невысказанного: ретроспективная композиция, художественные детали с психологической функцией, паузы и символика умолчания, подтекст и письмо со непростым «путем» к своему адресату.

1. Ретроспективная композиция как модель травмированного сознания

Пространственно-временная организация повести «Адресат выбыл» подчинена не хронологическому, а психологическому принципу, что сразу же относит поэтику Зинаиды Катковой к числу явлений, ориентированных на исследование внутреннего мира человека. Композиция повести выстроена по принципу «рассказа в рассказе», где настоящее время служит тонкой, прозрачной калькой, сквозь которую проступает густая, насыщенная событийностью и аффектом ткань прошлого.

В разговорах со случайной знакомой, оказавшейся землячкой, Сергей Степанович вспоминает свою жизнь с Марийкой...

Настоящее героя, локализованное на южном курорте, семиотически маркировано как зона отчуждения и застоя. Это пространство временности, лишённое подлинной истории и глубины, топографический эквивалент духовной опустошенности. В радикальном противопоставлении ему прошлое, даже будучи источником неизбывной боли, обладает качеством подлинности, экзистенциальной полноты и интенсивности бытия.

Подобная архитекtonика порождает эффект, который можно определить как «**двойное**

зрение» нарратива. События минувшего даны читателю не в их объективной данности, а исключительно в их субъективном, преломленном через призму памяти, отягощенной виной и раскаянием, восприятии. Прошрое у Зинаиды Катковой — это не архив, а незаживающая рана, и ретроспекция становится не просто композиционным приемом, а формой существования **травмированного сознания**, для которого единственной реальностью остается утраченное время. Фрагментарность воспоминаний, их ассоциативная, а не хронологическая связь, точно воспроизводит самую механику памяти, где логика чувства подменяет собой логику факта.

2. Семиотика детали и символ в структуре художественного мира

Если композиция задает общие рамки художественного мира, то его плоть и кровь — это система деталей, выстроенная Зинаидой Катковой с ювелирной точностью. В ее поэтике деталь никогда не бывает просто описательной; она всегда семиотически насыщена, выступая сгустком смысла, микромоделью всего мироощущения автора. Рассмотрим в этом контексте два разных образа повести «Адресат выбыл», насыщенных символическими смыслами и построенных на семиотике детали.

Один из них – образ Сергея Степановича, с семантикой экзистенциального тупика. Портрет данного главного персонажа конструируется через тщательно отобранный набор лейтмотивных деталей, каждая из которых последовательно наращивает свой символический потенциал.

«Мужчина в светлом, старомодного покроя, костюме... Он опирался на палочку, глаза скрывали темные очки» [\[14, с. 54\]](#).

В этом лаконичном описании заключена целая философская программа. «Тёмные очки» и «трость» из бытовых атрибутов преобразуются в многозначные символы. Очки — это знак не только физической, но и метафизической слепоты, добровольного отказа от видения настоящего и болезненного ухода в себя. Трость семиотически маркирует утрату внутреннего стержня, потребность во внешней опоре, обнажая глубинный надлом и уязвимость личности. «Старомодный костюм» окончательно достраивает образ героя как «человека из прошлого», чья идентичность кристаллизовалась в точке разрыва с жизнью, обрекая его на вечное странничество в чуждом ему настоящем.

Кульминацией этого портретного ряда становится развернутая метафорика ущербности, достигающая своей вершины в сравнении:

«Он походил на угрюмо нахохлившуюся птицу, которая страстно желает взлететь и не может» [\[14, с. 58\]](#).

Этот образ, генетически восходящий к традициям русского классического реализма, работает на нескольких уровнях одновременно. Он передает физическую скованность и нездоровье («нахохлившись»), душевную подавленность и отрешенность от мира («угрюмо») и, наконец, самую суть экзистенциальной драмы — трагедию нереализованной возможности, паралич воли перед лицом непреодоленного прошлого («не может»).

Второй образ – образ Марийки, выдержанный в поэтике жертвенной стойкости и онтологической правоты.

В противовес рефлексирующему и надломленному персонажу Сергею Степановичу,

образ Марийки строится из принципиально иного художественного материала. Её портрет складывается из деталей, обладающих иконографической ясностью, цельностью и светоносностью:

«Перед глазами неизменно маячили темно-русые косы, зеленоватые глаза и загадочная Марийкина усмешка» [\[14, с. 71\]](#).

«Тёмно-русые косы» (архетипический символ как марийской, так и русской женственности), «зеленоватые глаза» (в культурном коде часто связанные с магией, тайной и жизненной силой) и «загадочная усмешка» создают образ не просто женщины, а личности, чья душевная мощь и внутренняя цельность остаются не до конца проявленными и понятными рефлексирующему сознанию Сергея.

Ключевой для понимания характера героини является деталь её взгляда, лишенного рефлексии и тени вины:

«Жадно смотрела чуть повлажневшими глазами, в которых светилась радость, нежность и – ни капельки неловкости и раскаяния» [\[14, с. 74\]](#).

Это отсутствие «неловкости и раскаяния» создает резкий, почти шокирующий контраст с перманентным самоанализом и чувством вины Сергея, подчеркивая нравственную безупречность и онтологическую правоту Марийки. Её любовь — это не страсть и не рефлексия, а состояние бытия, не нуждающееся в оправданиях. Художественный портрет Марийки сознательно выстраивается Катковой в русле тургеневской традиции «сильных женщин» (Наталья Ласунская, Лиза Калитина), которые оказываются эмоционально и духовно выше рефлексирующего героя-мужчины, способными на жертву, верность и негибаемую стойкость перед лицом жизненных испытаний [\[15\]](#).

3. Грамматика умолчания: подтекст как сюжетообразующий принцип

Центральный конфликт повести Зинаиды Катковой обладает принципиальной особенностью: он разворачивается не в плоскости событийных столкновений, а в сфере недосказанности, в зоне коммуникативного провала. Это конфликт, имеющий не событийную, а сугубо психологическую и речевую природу.

При встрече с Сергеем Степановичем Марийка не говорит ему о том, что дочь его, а он думает о том, кто же может быть её отцом. Своим поведением и отношением он ранит любимую женщину, и она не говорит ему об его отцовстве.

Эта роковая коммуникативная неудача является смысловым и структурным стержнем всей повести. Невысказанное слово «отец» превращается в мощный сюжетообразующий «ноль», смысловую пустоту, вакуум, который засасывает в себя всё повествование, определяя поступки героев, их мимику, их дальнейшие судьбы. Сюжет движется не цепью внешних событий, а их ошибочной интерпретацией, неверным прочтением поведенческих и речевых знаков.

В этом Зинаида Каткова является прямым и глубоким наследником чеховской поэтики с ее культом «подводного течения» [\[8\]](#). Как и у А.П. Чехова, главное действие в «Адресате выбыл» происходит не в тексте, а в подтексте, не в произнесенных словах, а в паузах между ними. Молчание, недоговоренность, намеренное умолчание становятся у Зинаиды Катковой мощнейшим художественным приемом, несущим основную смысловую и эмоциональную нагрузку. Гордость, обида, непонимание — всё это остается

невывказанным, но именно это невысказанное и становится главным действующим лицом драмы, разводящим героев по разные стороны жизненной пропасти.

4. Диалог с традицией: Тургенев и Чехов как смысловые доминанты

Художественный мир Зинаиды Катковой не автономен; он существует в интенсивном, сознательно выстраиваемом диалоге с русской классической традицией, что позволяет говорить о глубинной интертекстуальности как важнейшем элементе ее поэтики. Выделим некоторые приметы такой интертекстуальности.

- Тургеневская парадигма. Прежде всего, в повести «Адреса выбыл» явственно проступает тургеневское начало. Базовая для отечественной литературы конфигурация «рефлексирующий, "слабый" герой – сильная, волевая героиня» (Сергей Степанович – Марийка) напрямую восходит к классическим тургеневским парам: Рудин – Наталья Ласунская, Лаврецкий – Лиза Калитина [\[15\]](#). Как и у И.А. Тургенева, женщина у Зинаиды Катковой оказывается эмоционально и нравственно сильнее, цельнее мужчины, выступая хранительницей непреходящих ценностей — любви, долга, способности к самопожертвованию. Марийка, как и ее литературные предшественницы, воплощает в себе некий нравственный абсолют, по отношению к которому проверяется и которым оценивается мятущийся мужской характер.

- Чеховская поэтика. Не менее значимо и влияние А.П. Чехова, которое проявляется не в прямых заимствованиях, а в усвоении и творческом переосмыслении фундаментальных принципов его художественной системы. От А.П. Чехова Зинаида Каткова наследует сам принцип «подводного течения», ту особую значимость паузы и умолчания, когда текст существует как бы в двух измерениях — явном и скрытом. «Футлярность» Сергея Степановича, его добровольное заточение в тесном, душном пространстве собственной тоски и воспоминаний — это прямое развитие чеховской антропологии, представленной в таких образах, как Беликов («Человек в футляре») или Иванов. Сквозным для чеховской прозы является и мотив несостоявшейся, «невыговоренной» жизни, упущенного счастья, который получает у Зинаиды Катковой свое уникальное преломление.

- Тема письма и архетип «адресата». Мотив недописанного, недошедшего, утраченного или опоздавшего письма как судьбоносного элемента сюжета — один из архетипических для всей русской литературы, восходя к «Евгению Онегину» А.С. Пушкина и «Бедным людям» Ф.М. Достоевского. У Зинаиды Катковой этот вечный мотив получает, однако, не трагическое, а жизнеутверждающее, почти сказочное разрешение: письмо, в конечном счете, находит своего «адресата». Это становится символом торжества надежды над отчаянием, коммуникации над непониманием и открывает возможность искупления вины и воссоединения распавшейся связи. Письмо выступает здесь не только как сюжетный элемент, но и как метафора самой памяти и любви, которые, преодолевая время и пространство, продолжают искать путь к сердцу другого.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный многоаспектный анализ позволяет с уверенностью утверждать, что художественное своеобразие повести Зинаиды Катковой «Адресат выбыл» определяется сложным и предельно органичным синтезом верности классическим традициям и их

глубоко современного, новаторского переосмысления. Ретроспективная композиция, моделирующая прихотливую и болезненную работу травмированной памяти; тщательно выверенная, символически насыщенная система художественных деталей, заменяющая прямые психологические характеристики; и, наконец, построение всего конфликта на основе чеховского «подтекста», превращающего умолчание в главный двигатель драматургии, — все эти элементы работают в унисон, создавая многомерное, психологически достоверное и философски насыщенное повествование.

Вписывая частную, казалось бы, историю своих героев в широкий контекст русской классической традиции (И.С. Тургенев, А.П. Чехов и др.), Зинаида Каткова не просто её репродуцирует, но творчески актуализирует для художественного исследования фундаментальных, вневременных проблем человеческого существования – вины и ответственности, коммуникативного провала и его разрушительных последствий, памяти как проклятия и как единственного пути к спасению. Её повесть — это не сентиментальная история о несчастной любви, а серьезное и глубокое художественное высказывание о природе человеческих отношений, о хрупкости взаимопонимания и, в конечном итоге, о возможности искупления и прощения через восстановление разорванной связи, символом которого становится письмо, нашедшее, наконец, своего адресата.

Творчество Зинаиды Катковой, к которому лишь начинает привлекаться серьезное академическое внимание, безусловно, заслуживает самого пристального и разностороннего изучения как яркое и самобытное явление в истории психологической прозы второй половины XX века. Перспективы его исследования видятся в более детальном рассмотрении в контексте региональной литературы, в сопоставлении с творчеством других мастеров «тихой прозы» (Ю. Трифонов, В. Распутин, В. Астафьев и др.), а также в изучении его языковой ткани и ритмико-интонационного строя.

Библиография

1. Лапшин А.Е. Русская советская проза 1960–1980-х годов: проблемы поэтики. М.: ИМЛИ РАН, 2016. 360 с.
2. Осьмухина О.Ю. "Тихая проза" 1970-х годов: поэтика "негромкого" слова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 5 (83). С. 44-48.
3. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.
4. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики; отв. ред. Т.В. Цивьян. М.: Наука, 1983. С. 227-284. EDN: TZOXML.
5. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 404 с.
6. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1976. 367 с.
7. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. Л.: Художественная литература, 1977. 443 с.
8. Чудаков А.П. Поэтика Чехова. М.: Наука, 1971. 291 с. EDN: VNNKGL.
9. Аминева В.Р. Повествователь и герой в повести А. Еники "Невысказанное завещание" // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7(61). Ч. 1. С. 12-14. EDN: TTXVUM.
10. Гладкая Е.Ф. Языковые маркеры невербализованных смыслов в лирике: дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 182 с. EDN: NPQAWN.
11. Власова Ю.Е., Вавичкина Т.А. «Диалектика души» и другие психологические приемы

в романе Михаила Нуайме «Последний день» // Филология: научные исследования.

2024. № 11. С. 1-12. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.11.72276 EDN: GQGUSR URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72276

12. Красников Я.Е. Категории героя и персонажа в драме в свете исторической поэтики (в неклассический период эпохи модальности) // Litera. 2023. № 7. С. 94-107. DOI:

10.25136/2409-8698.2023.7.43615 EDN: TMPBTJ URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43615

13. Скрыпник Е.Р. Невербальные компоненты общения в диалогах как маркер отношений персонажей в повести А.П. Чехова «Три года» // Litera. 2024. № 4. С. 333-339. DOI:

10.25136/2409-8698.2024.4.70515 EDN: MVUWGO URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70515

14. Каткова З. Если бы не война: повести и рассказы. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1976. 109 с.

15. Маркович В.М. Тургенев и русский реалистический роман XIX века. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1982. 208 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье рассматривается художественный мир повести марийского писателя-билингва Зинаиды Федоровны Катковой «Адресат выбыл». Актуальность работы не вызывает сомнения и обоснованно аргументируется «необходимостью более полной и детализированной реконструкции истории национальных литератур через призму творчества писателей «второго ряда», чья поэтика часто оказывается не менее, а подчас и более репрезентативной для умонастроений эпохи, чем произведения «главных» авторов». Отмечается, что «феномен отечественной «тихой прозы» 1970-х годов, при всей его признанной значимости, до сих пор остается областью, где канонизированные имена заслоняют собой богатство и разнообразие литературного ландшафта».

Теоретической основой исследования выступили труды отечественных ученых, посвященные проблемам поэтики русской советской прозы 1960–1980-х годов, психологической прозе, семантике и структуре художественного текста, поэтике А. П. Чехова и И. В. Тургенева. Библиография составляет 10 источников, в том числе литературный, соответствует специфике изучаемого предмета, находит отражение на страницах статьи. Однако в работе отсутствует глубокий анализ данных источников, в большей части обзор данной литературы сводится к характеристике методологической рамки исследования (см «Структурно-семантический анализ (Ю. М. Лотман [3], В. Н. Топоров [4]) позволяет рассмотреть повесть как целостную, иерархически организованную систему смыслов» и т. д.). В дальнейшем рекомендуем автору(ам) проводить более подробный анализ научных источников, сопровождать обзор авторскими комментариями. Также автор(ы) не апеллируют к научным работам, изданным в последние 3 года, что не позволяет судить об актуальных достижениях научного сообщества в данной области знания.

Методология исследования определена целью и поставленными задачами и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза; описательный метод с приёмами наблюдения и обобщения; структурно-семантический,

социокультурный и художественный анализы, методы литературоведческого и текстуально-герменевтического анализа произведения, историко-генетический и сравнительно-типологический методы, а также интертекстуальный анализ, предполагающий изучение межтекстового взаимодействия.

В ходе исследования достигнута цель работы («путем детального текстуального анализа выявить законы, по которым строится в повести «Адресат выбыл» художественный мир Зинаиды Катковой, основанный на поэтике невысказанного, и определить его генеалогические связи с магистральными традициями русской классики»): проанализированы ретроспективная композиция как модель травмированного сознания («пространственно-временная организация повести «Адресат выбыл» подчинена не хронологическому, а психологическому принципу»), семиотика детали и символ в структуре художественного мира повести («В ее [З. Катковой] поэтике деталь никогда не бывает просто описательной; она всегда семиотически насыщена, выступая сгустком смысла, микромоделью всего мироощущения автора»), подтекст как сюжетообразующий принцип («центральный конфликт повести обладает принципиальной особенностью: он разворачивается не в плоскости событийных столкновений, а в сфере недосказанности, в зоне коммуникативного провала»), тургеневская парадигма и чеховская поэтика в повести («художественный мир Зинаиды Катковой не автономен; он существует в интенсивном, сознательно выстраиваемом диалоге с русской классической традицией, что позволяет говорить о глубинной интертекстуальности как важнейшем элементе ее поэтики»). В заключении статьи обобщены основные выводы и обозначены перспективы исследования.

Теоретическая значимость и практическая ценность работы заключаются в том, что она вносит вклад в исследование национальных литератур и творчества марийского писателя З. Ф. Катковой, расширяя представление об его авторской картине мира, о психологической прозе второй половины XX века. Полученные результаты могут быть использованы в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по общей теории литературы, по истории литературы, стилистике художественной речи; в спецкурсах, посвященных литературе народов России, творчеству и идиостилю Зинаиды Катковой и др.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию.

Однако объем рукописи недостаточен для раскрытия темы. Автору(ам) необходимо его расширить, в том числе за счет раскрытия теоретического аспекта исследуемой проблематики, что, по сути, отсутствует в работе.

Статья имеет завершённый вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования» после устранения указанных выше замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования рецензируемой статьи является художественный мир повести

Зинаиды Катковой «Адресат выбыл» (1976), с акцентом на поэтику невысказанного в качестве ключевого механизма раскрытия внутреннего мира персонажей. Автор фокусируется на анализе таких элементов, как ретроспективная композиция, художественные детали, паузы, символика умолчания и подтекст. Повесть рассматривается как пример «тихой прозы» 1970-х годов в контексте отечественной литературы, где акцент делается на транскультурных аспектах (марийский писатель-билингв) и связях с русской классикой. Это позволяет реконструировать историю национальных литератур через призму «второго ряда» авторов, чьи произведения отражают умонастроения эпохи глубже, чем канонизированные тексты.

Методологическая основа статьи сочетает несколько подходов, образуя междисциплинарный синтез. Основу составляет структурно-семантический анализ по Ю.М. Лотману и В.Н. Топорову, позволяющий увидеть повесть как иерархическую систему смыслов. Историко-генетический и сравнительно-типологический методы (по А.Н. Веселовскому) используются для выявления диалога с традицией. Дополнительно применяются теории символа А.Ф. Лосева, художественной детали Л.Я. Гинзбург и подтекста А.П. Чудакова. Такой эклектизм оправдан темой, требующей проникновения в психологические глубины, и позволяет анализировать невысказанное через подтекст, невербальные сигналы, поток сознания и детали.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления феномена «тихой прозы» 1970-х, где доминируют канонизированные имена (Ю. Трифонов, В. Распутин), заслоняя разнообразие. Автор подчеркивает роль транскультурных писателей в отечественной литературе второй половины XX века, что резонирует с современными дискуссиями о децентрализации литературного канона и инклюзии региональных голосов. В эпоху интереса к маргинализированным нарративам (этнические меньшинства, женское письмо) анализ Катковой помогает заполнить пробелы в истории советской прозы, особенно в контексте постколониальных и гендерных исследований.

Научная новизна статьи состоит в том, что повесть «Адресат выбыл» ранее не становилась предметом специального филологического анализа. Автор впервые выявляет законы поэтики невысказанного в этом тексте, устанавливая генеалогические связи с русской классикой (Тургенев, Чехов, Пушкин, Достоевский). Новизна проявляется в интерпретации ретроспекции как модели травмированного сознания, семиотики деталей как символов экзистенциального тупика и подтекста как сюжетообразующего принципа. Это не просто описательный разбор, а вклад в теорию психологизма, расширяющий понимание «замещенной речи» (в сравнении с А. Еники и другими). Статья открывает перспективы для изучения Катковой в контексте региональной литературы.

Стиль статьи академический, с элементами лиризма, подходящими для литературного анализа. Язык богат метафорами («незаживающая рана», «двойное зрение нарратива»), что делает текст увлекательным, не жертвуя научной строгостью. Автор вполне обоснованно использует терминологию. Предложения сложные, с тщательной аргументацией, что усиливает убедительность.

Структура статьи логична: введение с постановкой проблемы и цели, методологическая часть, основной анализ (ретроспектива, детали, умолчание, диалог с традицией), выводы и библиография. Разделы плавно переходят друг в друга, содержат подзаголовки для ясности.

Содержание достаточно детализировано. Автор разбирает ретроспективную композицию как отражение травмы, противопоставляя настоящее (отчуждение) прошлому (подлинность). Семиотика деталей иллюстрируется примерами: темные очки как символ слепоты, косы Марийки как архетип женственности. Подтекст трактуется как чеховское «подводное течение», где молчание об отцовстве движет сюжетом. Диалог с традицией

(Тургеневская «сильная женщина», чеховская футлярность) обогащает интерпретацию. Мотив письма как метафора искупления добавляет философскую глубину.

Библиография включает 15 источников: монографии (Лотман, Чудаков), статьи (Аминева, Гладкая) и первичный текст Катковой. Она охватывает классику и современные работы (до 2024 года). В статье соблюдается баланс между теорией и практическим анализом.

Автор апеллирует к оппонентам конструктивно, ссылаясь на Аминева (анализ «замещенной речи» в Еники), Гладкую (маркеры невербализованных смыслов) и других (Власова, Красников, Скрыпник). Это не полемика, а диалог: соглашаясь с акцентом на подтексте, автор развивает идеи применительно к Катковой.

Выводы вполне аргументированы и убедительны. Автор также предлагает перспективы исследования (региональный контекст, сравнение с «тихой прозой»).

Статья будет интересна филологам, специалистам по советской литературе, студентам-литературоведам и энтузиастам региональной прозы.

В целом работа соответствует предъявляемым требованиям и может быть рекомендована к публикации в научном журнале.